«АННАЛЫ» И МАРКСИЗМ

К.А. Агирре Рохас

«Лично я искренне восхищаюсь трудами Карла Маркса [...]
и если когда-либо историки, сторонники обновленной науки, задумают создать галерею предтеч, то бородатый бюст, в стиле ветхозаветных ренановских пророков, займет достойное место в первых рядах причта служителей исторической корпорации»

Марк Блок «Странное поражение», 1940.

В гуманитарных науках, равно как и в естественных, всегда существуют такие вопросы, для решения которых требуется, прежде всего, уточнить терминологию проблемы. Как раз к таковым и относится в полной мере вопрос о сложных взаимосвязях между школой «Анналов» и марксизмом. Для правильной постановки проблемы тех специфических связей, что сложились между этими двумя крупными направлениями в исторической науке, необходимо поставить даже не один вопрос, а целый комплекс многочисленных и разнообразных вопросов. Удобный термин «Анналы» используется для описания очень сложного явления, включающего в себя самых разных авторов, многочисленные направления исследований и исторические подходы, сменявшие друг друга на протяжении почти восьмидесяти лет. Со своей стороны, термин «марксизм» может иметь отношение как к оригинальным концепциям, высказанным и развитым Марксом и Энгельсом, так и применяться для описания практической деятельности и политической активности их учеников, а также для теоретических переработок и новых интерпретаций марксистского учения разнообразными подражателями, появившимися за последнее столетие.

В этом смысле интересоваться взаимоотношениями между «Анналами» и марксизмом означает задаваться вопросами на тему, которая не только сложна, но и является открытой, то есть описывает ситуацию

Карлос Антонио Агирре Рохас, профессор Национального Автономного Университета Мехико.

в развитии – ситуацию, которая не ограничена строгими рамками. Несмотря на то, что мысли по этому поводу в литературе, посвященной истории «Анналов», найти совсем не сложно, на самом деле речь идет, как правило, о простых ссылках или косвенных упоминаниях. Гораздо реже встречаются работы, специально посвященные этому сюжету[1].

Достаточно присмотреться к этим вопросам внимательно, и станет ясно, что разброс их весьма широк и решить их действительно очень сложно. Какой вариант марксизма существовал во Франции в тот или иной период, соответствующий тому или иному этапу существования «Анналов»? Насколько это было близко к «марксизму Маркса» и его отношению к развитию гуманитарных наук во Франции своего времени? Когда началось (и когда закончилось) влияние этого варианта марксизма на интеллектуальную атмосферу франкоязычного ареала? С другой стороны, какую позицию занимали «Анналы» на разных этапах своего развития в отношении работ Маркса и марксистских течений во Франции и вне ее? Как влияли на работы и взгляды авторов «Анналов» марксистские идеи – собственно Маркса и те, что позже высказывали его эпигоны во Франции? Как хорошо видно, речь идет о широком спектре вопросов (а ведь этот список можно легко продолжить и дополнить). Для верного ответа они требуют целого ряда аналитических исследований, которые до сих пор не велись, да и теперь в этом в направлении

1 Подробнее см.: *Burguière A*. Histoire d'une histoire: la naissance des «Annales» // Annales. 1979. N 6; *Aymard M*. The «Annales» and the French historiography // Journal of European Economic History. 1972. Vol. 1. N 2. 1972; *Braudel F*. A modo de conclusión // Cuadernos Políticos. N. 48, 1986. octubre-diciembre; *Revel J.* The Annales: continuities and discontinuities // Review: Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. 1978. Vol. 1. N 3-4. или *Le Goff J*. L'histoire nouvelle // La nouvelle histoire. Bruxelles, 1988. Диалог между «Анналами» и марксизмом рассматривается также в работах: *Mairet G*. Le discours et l'historique. P., 1974; *Wallerstein I*. Braudel, los Annales y la historiografía contemporánea // Historias. 1983. N 3; *Cedronio M*. Profilo delle «Annales» attraverso le pagine delle «Annales» // Storiografia francese di ieri e di oggi. Nápoli, 1977; Guerreau A. El feudalismo. Un horizonte teórico. Barcelona, 1985; *Fontana J.* Historia. Análisis del pasado y proyecto social. Barcelona, 1982; *Aguirre Rojas C.A*. L'histoire conquérante. Un regard sur l'historiographie française. P., 2000; *Idem*. Os Annales e a Historiografia Francesa. Maringá, 2000; *Idem*. Making History, Knowing History: Between Marx and Braudel // Review: Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. 1992. Vol. 15. N 2; *Idem*. De Annales, marxismo y otras historias. Una perspectiva comparativa desde la larga duración // Secuencia. N 19. 1991 enero-abril; *Агирре Рохас К.А.*. Критический подход к истории французских «Анналов». М., 2006.

делаются лишь первые шаги.

Для проведения таких исследований имеется немаловажная причина. С нашей точки зрения, из существующих ныне исторических концепций наиболее широким распространением и мировым признанием пользуются две – концепция «Анналов» и марксистская. Оба эти направления к данному моменту имеют уже солидную традицию. На их наследие ссылаются, они являются отправной точкой в спорах историков той или иной страны, и таким образом обсуждаются и сравниваются в самых разных интеллектуальных ареалах современной исторической науки.

Не претендуя на то, чтобы охватить весь комплекс упомянутых проблем, но, намереваясь продвинуться в их исследовании и последующем обсуждении, мы выдвигаем здесь некоторые гипотезы относительно взаимосвязей между «Анналами» на разных этапах их существования и современным им марксизмом.

* * *

Люсьен Февр: «Я очень внимательно читал Маркса, Макса Вебера и Зомбарта, но в особенности Маркса. Ради него я бы отказался с легкостью почти от всего на свете».

Фернан Бродель. «Люсьен Февр и история», 1956.

Когда изучаешь интеллектуальную атмосферу во Франции между двумя мировыми войнами – период, когда впервые вышли в свет «Анналы экономической и социальной истории», – в глаза бросается то, что присутствие марксизма в ней практически не ощущалось[2]. Начиная еще со времен Маркса и вплоть до резкого поворота, связанного со Второй мировой войной, во Франции не существовало ни одной школы, группы или течения, творчески развивавших идеи марксизма и способных внести достойный вклад в сокровищницу мировой марксистской мысли[3].

Вместе с тем, во Франции сложилась тогда специфическая ситуация, которая с некоторыми вариациями повторилась также в Италии и

2 См.: *Suratteau J.* Les historiens, le marxisme et la naissance des Annales: l’historiographie marxiste vers 1929: un mythe? // Au berceau des Annales. Toulouse, 1983; Anderson P. Consideraciones sobre el marxismo occidental. Madrid, 1978; *Aguirre Rojas C.A.* De Annales, marxismo y otras historias.

3 Поль Лафарг – редкое исключение, лишь подтверждающее правило.

в Испании, когда, при полном отсутствии марксистской традиции и марксистского наследия, в стане социалистов и критиков режима (но не марксистов) могли появляться действительно интересные работы таких авторов, как Жан Жорес, Жорж Сорель, Франсуа Симиан, Эрнст Лабрусс, Жорж Лефевр, и это лишь немногие из имен, заслуживающих упоминания. Вот в такой-то интеллектуальной атмосфере, где марксизм был слаб или почти отсутствовал, зародился и получил развитие новаторский проект первых «Анналов», что обусловило целый ряд интересных особенностей, проявившихся в эволюции этого направления.

Как известно, марксизму мы обязаны новаторским подходом к объяснению проблем развития общества, поскольку именно Маркс разработал, в строгом смысле этого слова, современные основы науки истории. Помимо того, что марксизм лежит у истоков современных социально-экономических концепций, он также создал ряд парадигм научных методов реконструкции исторических фактов, которые составляют важную часть концепции материалистического понимания истории в целом[4].

Но поскольку на французской почве в XIX – начале XX вв. этот, открывающий богатые возможности, марксистский подход не прижился[5], то там, естественно, не хватало той широты и масштабности идей, какие тогда же имели место, например, в германоязычном регионе, где тот же марксизм цвел пышным цветом, пока его варварски не истребили пришедшие к власти нацисты.

Первоначальный проект «Анналов» дал импульс к утверждению во франкоязычных странах столь же широкого подхода, как тот, что был разработан Марксом семьюдесятью годами ранее, но имеющего иную основу. Для исторического исследования им были открыты – правда, другим способом – те же самые сферы (например, социально-экономическая), и предложены столь же новые методологические парадигмы, как ранее Марксом, а именно – комплексность исторического

4 См.: *Echeverría B*. Definición del discurso crítico // El discurso crítico de Marx. México, 1986. См. также: *Aguirre Rojas C.A*. La historiografía en el siglo XX. Historia e Historiadores entre 1848 y ¿2025?. Barcelona, 2005; Idem. El problema de la historia en la concepción de Marx y Engels // Revista Mexicana de Sociología. 1983. Vol. 45. N 4. а также Economía, escasez y sesgo productivista. De los epigramas de Marx a los apotegmas marxistas // Boletín de Antropología Americana. 1990. N 21.

5 Это в какой-то мере объясняется характерной для Франции устойчивостью аграрных форм экономики и, как следствие, замедленным капиталистическим развитием.

подхода, широкий взгляд на исторические процессы или критика эмпиризма и идеализма предшествующих исторических направлений.

То есть речь идет о ряде любопытных, но вполне объяснимых совпадений. Хотя именно Маркс заложил научные основы современного изучения экономической истории, истинным основоположником социально-экономических исследований для франкоязычного региона стал Анри Пиренн, один из идейных предшественников «Анналов»[6]. А позднее уже «Анналы» положили во Франции начало экономической истории как одному из направлений исторических исследований.

И если совпадение в главной проблематике облегчало общее сближение авторов «Анналов» с марксизмом, то в сфере методологии этот процесс дополнялся критикой прежнего эмпирического и позитивистского подхода к истории и, соответственно, созданием ряда методологических парадигм, которые «Анналы» стали разрабатывать в процессе обоснования различий между новой французской исторической школой и тем, что существовало ранее. Подобные парадигмы, что показательно, имели сильное сходство с методологическим подходом Маркса. Так, в своем критическом стремлении обновить бытовавший до того в исторической науке позитивистский подход первые «Анналы» выработали, к примеру, требование понимать историю как глобальный или «тотальный» процесс как процесс, включающий в себя все предшествующие временные этапы и соответствующие им социально-исторические реалии, но и как иной объект изучения, требующий иного подхода и рассматриваемый в комплексе (totalidad)[7]. Таким образом, история стано-

6 К тому же любопытно отметить, что его собственный учитель, Карл Лампрехт, обвинял Пиренна в том, что тот занимает марксистские позиции (см. *Demoulin R.* Henri Pirenne et la naissance des «Annales» // Au berceau des Annales. Toulouse, 1983. P. 273). Важно подчеркнуть, что Пиренн, Блок, Февр и Бродель владели немецким языком, то есть имели прямой доступ к германоязычной исторической литературе. А та, как известно, испытывала сильное влияние марксизма – как критикуя его, так и пытаясь его углубить. Кроме того, все эти авторы – и руководители «Анналов», и их предшественники – были уроженцами так называемых «пограничных зон», то есть того географического пояса, где встречались две ипостаси западноевропейской культуры – северная и средиземноморская, как это отлично показал тот же Фернан Бродель (см. *Braudel F.* Personal Testimony // Journal of Modern History. Vol. 44. N 4. Chicago, 1972; *Aguirre Rojas C. A.* De «Annales», marxismo y otras historias).

7 Речь шла, следовательно, не о возобновлении дискуссии – той, что сейчас приобрела новую форму и вылилась в многочисленные multi-, pluri-, trans- или interdisciplinaria предметы исследований, которые в результате оказываются лишь совокупностью многих более частных объектов, взятых

вится глобальной и по охвату тем исследований, и по новому подходу к этим темам подходу, вновь возрождающему тезис Маркса о том, что существует всего одна наука – наука история, и его методологическое требование анализировать социальные феномены в комплексе, с точки зрения «общего освещения, в котором видятся все цвета и которое придает им определенный оттенок», определяя через основную форму все те феномены, что входят в этот комплекс.

Глобальная или «тотальная» история – это в то же время история-проблема, то есть история «проблемная», по выражению Люсьена Февра. Эта история открыто признает связь, которая существует между историком и объектом его изучения и эксплицитно выражается в способе постановки проблемы исследования. Поскольку вся история является задачей, которую надо решить, то, соответственно, этот начальный вопросник относительно эмпирических данных и определяет в основном результаты последующего изучения. «История-проблема», с этой точки зрения, напоминает марксистскую критику в адрес «простого собрания мертвых фактов», к которому приводит эмпирический подход в истории с его фальшивой претензией на достоверность и объективность, основанную на знании исторических дат и фактов.

И, наконец, благодаря усилиям Блока, наука история приняла полностью новый и принципиально незавершенный характер. Результатом этого оригинального научного подхода к историческим процессам – как в первоначальной версии «Анналов», так и в предшествовавшей им формулировке Маркса, стало понимание истории как открытого и находящегося в становлении процесса. Наука история находится «все еще в становлении» в смысле постоянного открытия новых методов и форм исследования объекта, в которые включаются неизведанные территории и пространства анализа, ранее не существовавшие или мало

из какой-либо другой современной социальной дисциплины или «науки», – но о переходе к другой форме анализа, при которой объект и взгляд на этот объект различаются. И после этого перехода речь идет, следовательно, о новом глобальном объекте – который мы можем определить как развитие во времени человека и общества – исследуемых с новой точки зрения междисциплинарной, которая является в то же время всеобъемлющей. Это подход, при котором движение идет от целого к ограниченному частному, которое собираются исследовать, а не наоборот, от предварительно выделенного из контекста объекта, который лишь затем, как правило ошибочно, пытаются вновь поместить на должное место и восстановить его связи с той всеобщностью, частью которой он является. Подробнее см.: *Aguirre Rojas C.A.* Fernand Braudel et les sciences humaines. P., 2004, в особенности главу 2, “L’histore selon les clés de Fernand Braudel”, p. 31-56.

изученные, и таким образом постоянно обогащается новыми все более сложными гипотезами со множеством нуждающихся в интерпретации фактов, но не сбрасывает со счетов и старые дискуссии по основным проблемам исторической эволюции человечества[8].

Таким образом, вновь поставив вопрос о глобальной истории, об «истории-проблеме» и об истории как открытом проекте, находящемся в процессе становления, то есть соблюдая все те методологические требования, на коих настаивал Маркс полувеком ранее, первые «Анналы», помимо прочего, проделали такую работу в области исторических исследований, которая после их выхода в свет вызвала интерес и у французских левых того времени[9]. Эту работу, на мой взгляд, можно также трактовать как в высшей степени плодотворное критическое восстановление по-настоящему материалистической концепции истории, ранее выдвинутой Марксом[10]. С этой точки зрения, различие, проводимое Блоком между феодальными отношениями и отношениями рабства, и та особая двойная типология, что строится на таком различии, или реконструкция Февром «ментального инвентаря» людей XVI в., или же замечательный броделевский анализ того, что он именует «материальной культурой», все эти очень интересные и в концептуальном, и в историческом отношении труды могут быть, с точки зрения материалистического толкования истории, основанного на критическом учении Маркса, восприняты как работы о феодальном способе производства, о религиозной реформе XVI в. или как анализ комплекса потребностей и способностей в приложении к докапиталистическому обществу.

С учетом столь явного сходства – которое не является тождеством – проблематики, методологии, концепций и исторического подхода «Анналов» Марка Блока и Люсьена Февра с положениями изначаль-

8 Подробнее см.: *Aguirre Rojas C.A.* Making history, Knowing history: Between Marx and Braudel.

9 Пьер Вилар неоднократно утверждал то же самое, когда говорил о том, что Блок и Февр были «неосознанными марксистами», или что они «сами того не зная, следовали марксизму». Об общем настроении той эпохи см. *Vilar P.* Recuerdos y reflexiones sobre el oficio de historiador // Universidad Autónoma de Barcelona. Barcelona, 1988; Idem. Prefacio // Cataluña en la España Moderna. Barcelona, 1978-1988. T. 1; *Suratteau J.* Les historiens, le marxisme.

10 О попытке восстановления блоковской модели, выраженной в «Феодальном обществе» (Русск. изд.: *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003) с марксистской точки зрения, см. *Aguirre Rojas C. A.* Las luminosas 'Edades Obscuras'. La concepción marxista sobre la transición de la Antigüedad al Feudalismo, Guatemala, 2005; Idem. El modo de producción feudal // Revista Mexicana de Sociología. 1986. Vol. 48. N. 1.

ного марксизма, становится понятной и та позиция, которой на практике придерживались основатели «Анналов» в отношении марксизма и современных им левых авторов. Если мы рассмотрим в целом издательскую политику, которой следовали первые «Анналы», то сможем увидеть, что журнал был открыт для разных точек зрения и служил трибуной для распространения взглядов явно прокоммунистического содержания многим левым авторам – Жоржу Фридману, Францу Боркенау, Камилю Эрнесту Лябруссу, Жоржу Лефевру, Анри Мужену и др.[11]

Публикуя подобных авторов и уделяя внимание таким проблемам, как пятилетний план, насильственная коллективизация, стахановское движение или развитие сельского хозяйства в СССР, «Анналы» 1929-1939 гг. стали своеобразным форумом, площадкой, где встречались, с одной стороны, французские левые и социалисты, с другой – ученые-гуманитарии, в частности историки, вдохновленные тогда «духом перемен», настоящим новаторским прорывом в сфере гуманитарных наук и противостоявшие традиционным представлениям в этих дисциплинах.

Это ни в коем случае не означает, что «Анналы» Блока и Февра можно назвать марксистскими. Безусловно, имелись очевидные совпадения в теории и методах исследований, предлагавшихся представителями этого направления и марксистами, равно как и практика открытых дверей по отношению к французским левым той эпохи, но в то же время «Анналы» открыто критиковали отдельные разновидности «исторического материализма» и некоторые положения из работ самого Маркса.

Нужно отметить, что в действительности как Блок, так и Февр отчетливо видели разницу между Марксом и его разнообразными последователями. И оба они, открыто выказывая восхищение автором «Капитала» и личное уважение к нему, критиковали в то же время определенные варианты применения его идей на практике или упрощенные, механистические и примитивные интерпретации со стороны тех, кто объявлял себя его последователем или учеником – как во Франции, так

11 См. Allegra y Angelo *Torre L.*, La nascita della storia sociale in Francia della Comune alle ‘Annales’. Turin, 1977. P. 314-331. См. также комментарий Люсьена Февра к работе Франца Боркенау: *Borkenau F*. Fondations économiques, superestructure philosophique: une synthése // Annales. 1934. N 28. Есть также мнение Алена Герро, на наш взгляд преувеличенное, который, основываясь на этих соображениях, называет первые «Анналы» марксистскими. См.: *Guerreau A*. Le féodalisme, un horizon théorique. P., 1980.

и в других частях света[12].

Однако проблема усложнится, если мы примем во внимание, что в тот период сами руководители «Анналов» – Блок и Февр – находились на разных идейных позициях. Совершенно очевидно, что в целом оба они были внимательными читателями и явно почитателями Маркса, одновременно критиковавшими работы французских и западноевропейских марксистов, произведения которых, они знали и читали, поскольку это затрагивало основные сферы их интересов, либо достаточно обтекаемо отзывавшимися о них[13]. Вместе с тем, важно отметить, что собственное идейное развитие каждого шло отнюдь не в одном и том же направлении.

На наш взгляд кажется очевидным, что Февр, находившийся изначально под сильным влиянием Жана Жореса и стоявший в начале века явно на социалистической платформе, наполовину прудонистской, наполовину жоресистской[14], позже постепенно отошел от нее и активизировал критику существовавших во Франции вариантов «исторического материализма». В период между мировыми войнами, постепенно добиваясь социального признания и академического успеха, Февр все более сдвигался к «аполитичности», что увеличивало дистанцию между ним и его бывшими товарищами, разделявшими социалистические взгляды. Это в конечном итоге вылилось в его решение продолжать публикацию «Анналов» при нацистах, поставивших условие, чтобы на обложке

12 Подробнее о той неоднозначной позиции, которую занимали М. Блок и Л. Февр по отношению, с одной стороны, к трудам и наследию Маркса, с другой – к работам его последователей см.: *Bloch M.* L'Étrange défaite. P., 1957, P. 195 (Русское издание *Блок М*. Странное поражение. М., 1999); *Febvre L.* Capitalisme et Reforme // Pour une histoire à part entiére. P., 1962. P. 350-351; Idem. Techniques, sciences et marxisme// Ibid. P. 672-678, Idem. L'étude des faits sociaux: problémes de méthode // Annales. P., 1937. P. 403). Относительно критики в адрес некоторых «плохих марксистов», которые вульгаризировали «марксизм Маркса» см.: *Febvre L.* Pour rectifier une connaissance élémentaire du marxisme// Annales. 1936, *Bloch M.* Classification et choix des faits en histoire économique: reflexions de méthode à propos de quelques ouvrages récents // Annales. 1929 mai. N 3. P. 258).

13 Следует отметить, что, к сожалению, марксистские работы, критиковавшиеся Блоком и Февром не были из числа лучших, написанных в то время. Это частично объясняется спецификой тематики, которой занимались оба французских историка. И Блок, и Февр почти полностью игнорировали труды историков Франкфуртской школы – несмотря на контакты с Францем Боркенау, а также работы Георга Лукача (*Georg Lukács*), Карла Корша *[Karl Korsch]*, и более старые, интересные по своим подходам, хотя и полемичные работы Розы Люксембург, Отто Бауэра и Карла Реннера.

14 См. *Dosse F.* L'histoire en miettes. Des Annales à la «Nouvelle Histoire». P., 1987. P. 54-61, где также рассматриваются в целом сложные взаимоотношения «Анналов» и марксизма в тот период.

журнала не фигурировало имя Марка Блока.

Напротив, идейное развитие Марка Блока шло едва ли не в прямо противоположном направлении. Будучи сыном известного профессора Сорбонны, и, следовательно, имея возможность рассчитывать на высокий статус во французских академических кругах, Блок проявил интерес к социально-экономической истории и, отдавая ей приоритет, мало-помалу стал все более восторгаться Марксом и его трудами. Постепенно он двигался по пути радикализации взглядов, чему во многом поспособствовал его личный опыт французского еврея, автора «Странного поражения», преследуемого нацистами и французскими коллаборационистами. Его теоретическая позиция и практические взгляды проявились в итоге в том, что он абсолютно сознательно и добровольно, понимая, чем это может грозить, вступил в ряды французского Сопротивления и был расстрелян нацистами 16 июня 1944 г.

В этом смысле разрыв между Блоком и Февром, произошедший весной 1941 г.[15], был весьма симптоматичен. Он совпал с моментом расхождения двух шедших в противоположных направлениях линий идейного развития основателей «Анналов». Как раз их противоположностью частично и объясняется богатство и глубина содержания, характерные для самых первых выпусков журнала. Она наложила отпечаток на всю деятельность «Анналов» межвоенного периода и одновременно объясняет вовлечение в их орбиту марксистов, социалистов и левых, о чем шла речь выше.

Очевидно, что хотя первые «Анналы» ни в коей мере нельзя назвать марксистскими, они в то же время были «Анналами» революционными – в том смысле, что означали настоящую революцию в теории истории, произошедшую тогда во франкоязычном регионе. «Анналы», во главе которых стояли два крупных и открыто восхищавшихся Кар-

15 Об этом разрыве вкратце упомянул сам Люсьен Февр в номере, посвященном памяти Марка Блока в Annales 1945 г. Однако лишь недавно, после издания переписки между Блоком и Февром, стали известны подробности происшедшего. См.: *Marc Bloch* – Lucien Febvre. Correspondance. 3 vol. P., 1993-2003. О разрыве между Блоком и Февром можно узнать из писем, опубликованных в третьем томе [p. 115-175]. О том как интерпретировался этот разрыв см. Mastrogregori M. Le manuscrit interrompu: «Métier d'historien» de Marc Bloch // Annales. 1989. T. 44. N 1 и нашу книгу «Критический подход к истории французских "Анналов"», глава 3 (с. 95-105). Кроме того, этот разрыв был лишь кульминацией того постоянного напряжения в их отношениях, что характеризовало весь период 1929-1939 гг. Подробно см.: *Fink C*. Marc Bloch: a life in history. Cambridge, 1989.

лом Марксом историка, были, несмотря на некоторые нюансы и временные колебания, всегда открыты для сотрудничества с авторами явно левых взглядов и ставили насущные для интеллектуалов социалистического направления проблемы. И наконец, «Анналы», двигаясь своим собственным курсом, привнесли в среду интеллектуалов, практически не имевших каких-либо марксистских традиций, комплекс методологических парадигм подобных тем, что отстаивал в свое время Маркс. Таким образом, во Франции было восстановлено и основательно продвинуто изучение тем, которые всегда были почитаемы – иногда даже слишком – марксистами, а именно связанных с историей социально-экономического развития.

Однако с началом Второй мировой войны закончилась та благоприятная культурная ситуация, которая сохранялась не только во Франции, но и во всех других странах Европы в двадцатые и тридцатые годы, и которая сделал возможным как зарождение и укрепление «Анналов», так и эти непростые взаимоотношения между столь разными людьми из весьма специфического круга французских социалистов и левых.

После тягот войны, которая, как мы знаем, обострила разногласия между двумя руководителями «Анналов» вплоть до полного разрыва, общественная атмосфера во Франции совершенно переменилась. Много стало другим с окончанием войны и принятием плана Маршалла. Изменения затронули и «Анналы», и марксизм, вследствие чего изменились и их взаимоотношения.

* * *

«Кто-то в шутку сказал, будто я являюсь последним марксистом, но это неверно [...] то, что мне нравится у Маркса, это – то, что у него уже есть восприятие "времени большой длительности" [...] и кроме того, Маркс – это экономист, обладавший острым историческим чутьем»

Из интервью Фернана Броделя газете «Ринашита» (1983)

С началом Второй мировой войны «Анналы» вступили в долгий переходный период, который закончится только в 1956 г. со смертью Л. Февра. В тот момент, когда Фернан Бродель возглавил журнал, начался период «вторых» или «броделевских» «Анналов»[16]. К тому времени,

16 О броделевских «Анналах» см.: *Aguirre Rojas C. A.* L'héritage des Annales braudeliennes. 1956 –

интеллектуальный пейзаж во франкоязычном регионе претерпел кардинальные перемены по сравнению с первым периодом их истории.

После войны, если говорить о западноевропейской культурной традиции, приоритет в развитии марксистских идей перешел к течению, которое в узком смысле можно обозначить как *средиземноморский* марксизм: он возник и стал распространяться в южных странах Западной Европы. Если в течение трех десятилетий перед Первой мировой войной и в межвоенный период марксизм переживал расцвет на севере Европы – в основном, в Германии, Австрии и Польше, где он затем был уничтожен нацистами, то теперь ему на смену, частично и в качестве интеллектуальной реакции на события Второй мировой пришел марксизм западноевропейских романоязычных стран. Этот южный вариант марксизма за 25 лет после окончания Второй мировой войны, похоже, полностью вытеснил предшествовавший ему северный вариант.

Но поскольку существуют большие культурные различия между северными и южными регионами Европы, постольку различны и варианты марксизма, развивавшиеся в этих двух западноевропейских регионах. Для того, чтобы какая-либо новая доктрина – в данном случае марксизма – смогла «вписаться» в культурные общности большой временной протяженности, которые соответствуют «двум Европам», столь проницательно и точно описанных Броделем[17], она должна претерпеть трансформацию и адаптацию, чтобы стать совместимой с той культурной средой, внутри которой ей предстоит продолжить развитие.

Во многом благодаря традиционной католической культуре, характерной для тех стран, где процветали общинное мировоззрение и коммунальные институты, послевоенный средиземноморский марксизм народов юга Западной Европы развивался в основном вширь. Он был менее тщательно проработан в теоретическом плане, менее аналитичен, чем его собрат с севера. Язык средиземноморского марксизма был

1968. // Fernand Braudel et les sciences humaines.

17 Подробнее см.: *Braudel F.* Las civilizaciones actuales. Madrid, 1978. P. 303-308; *Idem*. The rejections of the reformation in France // History and Imagination: Essays in Honour of H.R. Trevor-Roper. L., 1981; *Idem*. La civilita'e'fatta a strati // Corriere della Sera. 1982. 6 jun. В последней статье Бродель в качестве примера этого разделения на две Европы приводит как раз различия в отношении к марксизму и коммунизму. См также мою статью "De «Annales», marxismo y otras historias...", где я попытался использовать это разделение для описания различий в распространении идей школы «Анналов» и марксизма в Западной Европе в период между 1870 и 1970 гг.

легче и образней, изобиловал разъяснениями и повторами при обсуждении различных тем.

По сравнению, например, с германоязычным вариантом, отличавшимся большей теоретической насыщенностью, рассудительностью и при этом остававшимся экономным в аргументации, что превращало его в хорошо структурированное и упорядоченное мировоззрение (иногда даже излишне схематичное), средиземноморский марксизм предстает более свободным, творческим и спекулятивным, а в некоторых случаях даже беспорядочным.

Столь кардинальное несходство этих вариантов марксизма отражает глубокое и четкое различие между интеллектуальными подходами, характерными для старой Европы, поделенной на две части: Европу Реформации и Европу Контрреформации. А если заглянуть в еще более далекие времена, то речь пойдет о Римской империи и древней «Германии». Разница в типах марксизма, о которых мы говорим, заключается не только в уровне их теоретической проработки или построения. Присущее им внутреннее отличие проявляется и в формах отношения к реальности, в способах «строить мир» и в конкретных вариантах их распространения.

Если северный вариант марксизма развивался в весьма узких рамках и был далек от практики, будучи связан в основном с индивидуальным познавательным процессом, то средиземноморский марксизм формировался, напротив, как ответ на насущные задачи «практического применения», как «конкретный инструментарий» – что отнюдь не предполагает его использования исключительно в политических целях. Возможное «практическое применение» марксизма – это использование его методов и мировоззрения в преподавании ряда гуманитарных дисциплин, что к тому же в целом соответствует коллективной познавательной деятельности, которая может иметь место в самых разных организациях и учреждениях – академии, партии, кружке, профсоюзе, или просто в дружеском или домашнем кругу[18].

Речь идет, таким образом, о двух сильно различающихся формах

18 По нашему мнению, большая часть черт, которые Перри Андерсон считает характерными для западного марксизма, являются типичными, прежде всего и в основном, для средиземноморского западноевропейского марксизма. Конечно, пока еще не хватает исследований по этой теме, чтобы можно было более подробно прояснить данный вопрос. На эту тему см. его книги: Consideraciones sobre el marxismo occidental…, а также Tras las huellas del materialismo histórico. Madrid, 1986.

марксизма. Одна, характерная для северной Европы, отличается более «элитарным» характером, ограничена в распространении и не является общественным движением. Марксизм, который не разделяется большим числом людей и далек от обычной текущей деятельности, всегда оказывается в стороне от существующих академических учреждений, от общей культуры, занимая в действительности маргинальную или еретическую позицию по отношению ко всему комплексу, образуемому той культурной средой, внутри которой он развивается. И напротив, южный марксизм католических стран, широкий до неопределенности, распространяется подобно эпидемии. Он всеми признан и проникает в массовую культуру, открыто обсуждается в малых и больших социальных общностях, служит способом установления связей по всему миру и быстро завоевывает культурные пространства и академические круги средиземноморских стран.

Французский послевоенный марксизм, тот, с которым имел дело Бродель и все направление «Анналов» во второй период их существования (1956-1969), относился, безусловно, к средиземноморскому варианту. И равным образом, другим гуманитарным наукам во Франции того времени и во всей франкоязычной культуре, также как и вторым «Анналам» Броделя, оставалось только «завоевывать» дружбу этого марксизма, «привлекать» его на свою сторону, устанавливая с его представителями совершенно иные отношения, чем это было характерно для первых «Анналов» в период между двумя мировыми войнами.

Нет ничего удивительного, что в новом интеллектуальном окружении, когда марксизм завоевал всенародное признание, получил доступ на университетские кафедры, а также контроль над журналами гуманитарных наук и представительство во всех видах СМИ, большая часть учеников и сотрудников Броделя участвовали в различных печатных изданиях левых сил того времени. Эммануэль Ле Руа Ладюри и Франсуа Фюре состояли в рядах Французской коммунистической партии, тогда как Марк Ферро и Жак Ле Гофф принадлежали к студенческому поколению «тяготевшему влево» кое-кто из них позже вступил в ряды Объединенной социалистической партии или участвовал в движении против войны в Алжире. А такие люди, как например, Руджеро Романо или Дени Рише читали работы Маркса в первоисточнике и обсуждали

их, что оказало на этих историков заметное влияние.[19]

И если первые «Анналы» открывали свои двери, помимо прочих авторов также и представителям французских левых, то в броделевских «Анналах» вокруг его руководителя образовалось сплоченное ядро сотрудников, учеников и последователей, большинство которых стояло на левых позициях[20]. Такое положение, безусловно, отражало дух той эпохи, но в то же время было отражением перемен в мировоззрении самого Броделя.

Взгляды Броделя претерпели эволюцию в чем-то сходную с эволюцией взглядов Марка Блока, то есть его все сильнее привлекали работы Маркса, а его уважение к заслугам создателя материалистического понимания истории росло. По мере того, как Бродель все больше внимания уделял социально-экономическому подходу в истории[21], он все активнее изучал, анализировал и применял в своих работах отдельные положения теории Маркса[22].

Однако это ни в коей мере не означает, что Бродель превратился в марксиста. Напротив, правильней сказать, что он «броделизировал» кое-что из учения Маркса, переделал и адаптировал его, перевел на

---

19 См. по этому вопросу: *Dosse F.* L’Histoire en miettes: des Annales militantes aux Annales triomphantes // EspacesTemps. 1985. N 29. Для уточнения некоторых аспектов западноевропейского марксизма того времени см. также Romano R. Encore des illusions // Cahiers Vilfredo Pareto. Revue Européenne des Sciences Sociales. 1983. T. 21. N 64.

20 Это ничуть не помешало большинству из них позже, когда средиземноморский марксизм стал клониться к упадку, что началось в семидесятых, уже в период «третьих “Анналов”», «благоразумно» сменить свои взгляды и перейти на более консервативные позиции, изменив тому, что они страстно защищали в ранее опубликованных работах времен своей «юности». Яркий пример такой смены убеждений дал Франсуа Фюре.

21 Благодаря этому главной темой его второго крупного проекта был сюжет, глубоко интересовавший самого Маркса – проблема зарождения капитализма в XV-XVIII вв.

22 Сам Фернан Бродель описывает этот процесс как общий для всего его поколения: Derives à partir d’une œuvre incontournable // Le Monde. 1983. 14 mars. Стоит также отметить тот факт, что тогда как в книге El Mediterráneo y el mundo mediterráneo en la época de Felipe II (México, 1976) [Русское издание: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1-3. М., 2002-2004] Маркс цитируется всего единожды и эта цитата не упоминается в указателе имен, то в Civilización material, economía y capitalismo. Madrid, 1985, он является постоянным и главным «собеседником», присутствующим когда открыто, когда имплицитно на протяжении всей работы. С конкретным примером этого диалога и обращения к Марксу, а также с описанием различий во взглядах Броделя и Маркса можно ознакомиться в статье: *Aguirre Rojas C.A.* La vision braudelienne du capitalisme antérieur à la Révolution industrielle // Review: Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. 1999. Vol. 22. N 1.

язык собственных понятий с тем, чтобы включить в свою понятийную схему, и, следовательно, в процесс построения собственной особой теории капитализма[23].

Благодаря этому, Фернан Бродель мог не только вести плодотворный диалог с французскими марксистами того времени, предоставив им страницы «Анналов», места в руководстве VI секции Высшей школы исследований по социальным наукам и в серии публикаций Национального центра исторических исследований, но мог сотрудничать и вести дебаты практически со всеми группами историков-марксистов Европы и даже Америки.

Именно в период, когда Бродель стоял во главе «Анналов», были установлены тесные контакты с Эриком Хобсбаумом и с марксистской группой английского журнала *Past and Present*[24]. Среди прочего, заслуживает упоминания то, что именно при нем были налажены и развивались связи с польскими марксистами во главе с Витольдом Кулой [Witold Kula], сотрудничество и прочные отношения с итальянскими левыми и прогрессивными историками, первые контакты и участие в конференциях, проводившихся в Советском Союзе, а также началось сближение с историками-коммунистами Венгрии и Канады.

Таким образом, это было время, когда взаимоотношения между марксизмом и направлением «Анналов» укрепились. Но суть заключалась, как прекрасно видел сам Бродель, в феномене (самом по себе чрезвычайно интересном и достойном изучения) который обуславливался сложившейся обстановкой и вполне определенными социальными условиями, конкретной культурной атмосферой. Бродель, также как Февр и Блок, открыто восхищался работами Маркса, утверждая, что тот остро воспринимал явления «времени большой длительности», обладал собственным взглядом на целостность и глубину исторического

23 Кроме того, это был общий принцип, касавшийся всего, что Бродель читал или изучал. Всех авторов, которые оказали сильное влияние на его взгляды (в первую очередь безусловно, Марк Блок, но также и Анри Пиренн, Анри Хаусер [Henri Hauser], Карл Маркс, Вернер Зомбарт, Поль Видаль де Бланш, Люсьен Февр и др.) он воспринимал именно через процесс «перевода», через предварительную «броделизацию» их идей. Бродель, также как и Маркс, всегда требовал от своих читателей, чтобы они были «способны думать на свой лад» о поставленных проблемах.

24 На эту тему см. интересную статью *Эрика Хобсбаума: Hobsbawm E.* Comments // Review: Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. 1978. Vol. 1. N 3-4.

процесса и что ряд его положений отличался чрезвычайной глубиной мысли[25]. Но он и предостерегал от увлечения «модным марксизмом», распространившимся во Франции в 50-х и 60-х годах, указывая, что простое повторение набора марксистских «формул-клише» «не превращает в настоящего марксиста», подчеркивая тот знаменательный факт, что «большая часть [его] учеников были марксистами», но что со временем «все они от марксизма отошли»[26].

Настаивая, таким образом, на различии, уже ранее отмеченном Февром и Блоком, между идеями Маркса и идеями его французских последователей, рядом с которыми Бродель работал, и хорошо понимая те глубокие корни, на которых взрос этот средиземноморский марксизм, историк свободно вел в своих работах диалог с Марксом и хвалить его там, где обнаруживалось совпадение или связь между их взглядами и пониманием капитализма.

В этом смысле, броделевский период «Анналов» при ретроспективном взгляде видится как период, когда отношения между марксизмом и «Анналами» были наиболее тесными и прочными. Но история движется очень сложными путями. Именно это скрытое от глаз брожение в умах молодых французов, сформировавшихся в период «медового месяца» между «Анналами» и марксизмом, в итоге спровоцировало, среди многих других факторов, мощное студенческое движение мая 1968 г. Это выступление, повлекшее за собой гораздо более глубокие следствия, чем те, что были тогда видны на поверхности, открыло новую страницу в культурной жизни Франции.

После демонстраций протеста во Франции в 1968 г. и в связи с разразившимся несколькими годами спустя мировым экономическим кризисом 1972-1973 гг. культурная атмосфера во франкоязычном регионе претерпела существенные изменения. В истории «Анналов» это

25 См. например: La larga duración // La historia y las ciencias sociales. Madrid, 1968. P. 103-104; A modo de conclusión. P. 37, 41; Un'intervista a Fernand Braudel // Inchiesta. 1984. Vol. 14. N 63-63. P. 6. Насчет «сходства», в особенности в сфере концептуальной и методологической, между Марксом и Броделем см. уже упоминавшуюся выше нашу статью: Making history, knowing history: Between Marx and Braudel.

26 Цит. по: La última entrevista a Fernand Braudel // Ensayos. Economía Política e Historia. 1987. N 9. P. 78-79. Относительно, например, различий между итальянскими и французскими коммунистами см. интервью того же Броделя: XX Secolo, la caduta dell'Europa? // L'Unitá. 1982. 28 feb.

привело к открытому разрыву преемственности с предшествующими этапами. С этих событий начался также постепенный упадок средиземноморского марксизма, неспособного предложить лучшие альтернативы, чем те, что проявились в движении 68 года, в итоге он стал быстро сдавать позиции и почти полностью исчез к концу семидесятых годов XX века.

«Анналы» вновь изменились – и вплоть до настоящего времени существуют в условиях разрыва преемственности с предшествующим броделевским этапом. Таким образом, начиная с 1969 г., мы имеем дело с тем, что можно назвать «третьими “Анналами”». В тот момент закончился жизненный цикл развития как средиземноморского марксизма в целом, так и его французского варианта. Тем самым был положен конец необычному союзу «Анналов» и марксизма, существовавшему в 50-е и 60-е лет XX в.

* * *

«Сегодня, если ты марксист, то должен уметь ставить современные проблемы и по форме и по смыслу аналогично тому, как в свое время Маркс ставил проблемы современной ему эпохи».

Фернан Бродель. XX век, падение Европы? // «L’Unitá», 28 февраля 1982 г.

В 1969 г. Бродель покинул пост руководителя «Анналов», оставив журнал редколлегии, состоявшей из Эммануэля Ле Руа Лядюри, Жака Ле Гоффа и Марка Ферро. Таким образом, начался период «третьих “Анналов”», который продлился вплоть до празднования шестидесятилетия журнала и публикации шестого номера за 1989 год[27].

В течение этого периода вместе с общим кардинальным изменением социальной и культурной атмосферы во Франции преобразились (и существенно) как темы, так и социальная роль журнала, а также теоретические и методологические установки школы «Анналов» в целом, а следовательно – и ее позиция по отношению к марксизму, который в свою очередь претерпел значительные изменения.

Для «третьих “Анналов”» 70-х – 80-х гг. характерны два основных

27 Речь идёт о выпуске «Анналов», в котором было объявлено о смене парадигмы журнала. Автор подробно рассказывает об этом ниже. – *Прим. ред.*

процесса. Первый, о чем уже упоминалось – это прекращение преемственности, которое можно даже назвать настоящим разрывом. Второй – процесс децентрализации и утраты монополии на наследие прошлых «Анналов», на те богатые возможности, которые в эти годы стали вновь восстанавливаться в их первоначальной и систематической форме, но уже в рамках *других* направлений, у других авторов, не имевших отношения к довольно туманной ориентации журнала и не входивших в его непосредственное окружение[28].

Таким образом, история развития «третьих “Анналов”» связана с отказом от социально-экономических исследований – главных тем в истории первых и вторых «Анналов», что и обеспечивало тогда их сближение с марксизмом – и сосредоточенность на новой и двусмысленной тематике, получившей название «истории ментальностей». Отчасти отражая настроения французского общества после событий мая-июня 1968 г., тематика исторических исследований «третьих “Анналов”» была полностью интегрирована во французскую государственную культуру последних сорока лет. Добившись в этот период практически мирового признания, школа «Анналов» изменила прежние установки, отказавшись, например, от защиты каких бы то ни было идеологических взглядов и практически перестав обсуждать спорные вопросы и разрабатывать методологические парадигмы ремесла историка[29].

Порвав во всех этих вопросах с традицией, установленной Блоком и Февром, а затем продолженной, развитой и углубленной Броделем, «третьи “Анналы”» изменили и свою прежнюю позицию по отношению к марксизму. Теперь они либо вообще игнорировали представителей марксизма, либо считали его течением, связанным с одним только XIX в., имевшим в свое время несомненную ценность и представлявшим интерес, но теперь полностью оставленным позади в силу дальнейшего развития гуманитарных наук. В обоих случаях результатом стало отдаление от Маркса и марксистского влияния, которое в любом случае

28 Эммануэль Валлерстайн четко определил этот процесс, подчеркнув кроме того трудности, которые он создает для установления новых отношений между «Анналами» и марксизмом: «С преумножением числа школ «Анналов» и увеличением числа марксистских течений какой смысл теперь, в новой ситуации, можно вкладывать в обсуждение их разногласий или схожести? К этому вопросу уже нельзя приложить те общие положения, что выявились при предшествующем раскладе». Цит. по: *Braudel F. Los Annales* y la historiografía contemporánea. P. 109.

29 См. например, *Le Goff J.* La nouvelle histoire; Ferro M. L’histoire sous surveillance. P., 1985.

должно быть необходимым компонентом (среди многих прочих) интеллектуального багажа историка.

Таким образом, хотя большинство из тех, кто вошел в новое руководство «Анналов», ранее, в своей юности, разделяли социалистические или левые идеи, при общем рассмотрении деятельности «Анналов» за 1969-1989 гг. становится ясно, что эти «третьи “Анналы”» просто игнорировали точку зрения Маркса на темы, которыми они занимались. Игнорировали как раз то, что имело такое большое значение в броделевский период существования этого направления. За отдельными и редкими исключениями, ученые, следующие в русле «третьих “Анналов”», упорно отгораживаются от диалога с Марксом и марксистами, упоминая их либо в критическом контексте, либо крайне сдержанно.

По мере того, как средиземноморский марксизм во Франции приходил в упадок, «третьи “Анналы”» и такие, например, академические учреждения, связанные с ними, как Высшая школа исследований по социальным наукам (EHESS), все более дистанцировались от него, заняв в итоге по отношению к марксизму позицию полной отстраненности.

В то же время «третьи “Анналы”», отказавшись от своих прежних связей с марксизмом, одновременно потеряли «монополию» на теоретическое наследие своих предшественников как в области методологии, так и в области истории. Одновременно с мировым признанием, которое получило это направление, шел процесс возвращения и обращения других историков, других «школ» и различных исторических направлений к тем фундаментальным работам, что появились в лоне школы «Анналов». Бернар Лепти, будучи секретарем редакционной коллегии «Анналов», заявил однажды: “Наследие «Анналов» принадлежит всему миру”. И это было вызвано как раз тем, что «третьи “Анналы”» отказались развивать и углублять это наследие в рамках самого течения, то есть там, где оно создавалось на протяжении первых сорока лет своего существования.

Отчасти в результате деятельности «Анналов» броделевского периода и, без сомнения, благодаря тесному сотрудничеству «Анналов» с марксизмом, в разных частях света начали формироваться и в совсем другой форме в виде альтернативы французским «третьим “Анналам”» – разнообразные союзы авторов, группы и течения, которые, думаю, можно было бы квалифицировать, безусловно как «марксистские» и одновременно имеющие непосредственное отношение к «Анналам».

То есть, как оригинальный вариант «марксистских представителей» «школы “Анналов”» или даже как новые «марксистские “Анналы”».

Являясь результатом попытки либо восстановить учение Маркса и марксизм, либо усвоить уроки «Анналов», либо наконец одновременно изучать подходы французской исторической школы и текстов Маркса, работы «марксистов-анналистов», появившиеся за двадцать лет существования «третьих “Анналов”», приобрели вес и начали оспаривать у самого журнала как связь с предшествующей традицией (прежде всего, право на преемственность и творческое развитие), так и влияние внутри национальных исторических школ по всему миру, включая развернувшуюся критику интерпретаций истории самими «Анналами», которая теперь уже тоже стала «объектом изучения» для историков.

Эти группы «марксистов-анналистов» так же различаются между собой, как и вариации марксизма в их национальном или региональном переложении. Особенно интересным является сочетание идей Маркса и некоторых из авторов «Анналов» в деятельности группы, в которую входят Э. Валлерстайн и некоторые из сотрудников Центра Фернана Броделя. Представляют интерес и работы учеников Витольда Кулы и группы испанских историков, последователей Хосе Фонтана. В Италии, где влияние таких ученых довольно значительно, они работают во многих университетах. Это веяние почти универсально, и, помимо указанных выше, можно назвать еще многих авторов, которые, имея первоначально марксистское образование, затем переняли подходы «Анналов». Они работают в самых разных уголках земного шара от Бразилии до Китая, от Коста-Рики до бывшего Советского Союза, от Венгрии до Мексики[30]. Во Франции тоже есть группа авторов, взгляды которой уже несколько лет назад можно было противопоставить основной ориентации французских «Анналов». К таковым некоторые причисляют известных французских историков Пьера Вилара, Мишеля Вовеля и Ги Буа[31].

Децентрализация трактовки наследия первых и вторых «Анналов» привела к возникновению новой особой формы взаимоотношений между «Анналами» и марксизмом, для которой характерно определенное

30 О восприятии Броделя в Соединенных Штатах и в Латинской Америке см. : A*guirre Rojas C. A.* Braudel in Latin America and the U. S.: A different Reception? // Review: Journal of the Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations. 2001. Vol. 24. N 1.

31 См. например: *Bois G.* Marxisme et histoire nouvelle // La nouvelle histoire. Bruxelles, 1988.

систематическое «взаимопроникновение», способствующее взаимообогащению. Это дает возможность восстановить в наше время то, что всегда было одним из главных требований учения Маркса – творческое и критическое освоение результатов всех гуманитарных наук, с которыми марксизм сотрудничает и контактирует на протяжении уже более ста лет.

В этом смысле период «третьих “Анналов”», порвавших с марксизмом, привел к заметному увеличению числа тех, кто пытается восстановить былое наследие этого направления, благодаря чему сложилось альтернативное и влиятельное движение «марксистских “Анналов”» или «марксистов-анналистов». И хотя внутри этого движения существуют самые разные течения, однако в целом для него характерна попытка «сближения», «диалога» обоих историографических направлений.

Однако после тех глобальных изменений, что повлекла советская Перестройка и европейские революции 1989 г., символом которых на уровне массового сознания стало падение Берлинской стены, и во Франции, и во всем мире, начался новый этап общественного и культурного развития. Это означало конец третьего периода «Анналов», о чем было заявлено в редакционной статье в № 6 за 1989 г. Она начиналась с ясно выраженного намерения радикально преобразовать журнал, осуществив настоящий «критический поворот» и попытавшись создать четвертые «Анналы», отличные от предыдущих и идущие в ногу со временем – с теми переменами, что ясно обозначились в 1989 г.

К сожалению, преждевременная смерть Б.Лепти, инициатора этого проекта, настоящего энтузиаста преобразования «Анналов», привела к медленному, но заметному снижению роли этого направления и во Франции, и во всем мире. И если во второй половине XX в. престиж французских «Анналов» был еще столь высок, что их школа считалась одним из двух наиболее влиятельных направлений в мировой исторической науке, то, начиная с 1996 г. и до сегодняшнего дня, она все меньше участвует в обсуждении глобальных исторических проблем и постепенно теряет свое значение как центра мировой исторической науки. К тому же она еще больше, чем в период «третьих “Анналов”», удаляется от марксизма, от диалога с авторами-марксистами и от многообразного сложного наследия, берущего начало в работах Маркса.

Сегодня, в начале третьего тысячелетия, когда направление «Анналов» уже перестало быть централизованным, вопрос о взаимоотноше-

ниях «Анналов» с марксизмом во многом утратил свою актуальность. Это, однако, не отменяет того, что историки, верные критическому подходу, и поныне находят в работах Блока и Броделя, равно как в трудах Маркса и в лучших текстах критического марксизма XX века – от Франкфуртской школы до Валлерстайна, включая среди многих прочих работы Ленина, Грамши, Розы Люксембург, Хенрика Гроссмана, Ранаджита Гухи [Ranajit Guha] или Эдварда П. Томпсона, – надежные точки опоры для развития по-настоящему научной и критической истории[32].

Учитывая это, а также непредсказуемость зигзагов исторического развития, вполне возможно, что через какое-то время все же возобновится тот диалог, который начали первые «Анналы» в 1929 г. и который сейчас, спустя восемьдесят лет, упорно продолжают некоторые служители Клио, далекие от официальных и общепринятых взглядов. Ведя «гребень историографии против шерсти исторических фактов», они стремятся освободить прошлое от бесконечного перечисления актов разбоя победителей и властителей, чтобы найти в нем, говоря словами Вальтера Беньямина, «искру надежды», которая будет и далее вдохновлять людей в их поисках некапиталистического будущего, свободного от эксплуатации, неравенства, деспотизма и дискриминации.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории
НиНИ – Новая и новейшая история
СВ – Средние века
ФЕ – Французский ежегодник
Annales – Annales: Économies. Sociétés. Civilisations.
С 1994 г. – Annales: Histoire, Sciences sociales.
AHRF – Annales historiques de la Révolution française

32 См.: *Aguirre Rojas C.A.* Antimanual del Mal Historiador. México, 2008.